

УДК 39

Н. Д. Ултургашева, Д. В. Новиков, И. Г. Ултургашева

ТРАДИЦИОННОСТЬ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ТЕЛЕУТОВ

(на примере д. Шанда Гурьевского района Кемеровской области)

В статье на основе полевых исследований авторов оценивается современная этнокультурная ситуация у телеутов, компактно проживающих в Гурьевском районе Кемеровской области. В этой связи затрагиваются этноэкологические и этносоциальные проблемы указанного исследовательского полигона.

Ключевые слова: телеуты, этническая культура, обряды, преемственность традиций, религиозный синкретизм, инновации в развитии и трансляции телеутской культуры, выживание этноса, экологическое равновесие, маргинализация.

N. D. Ulturgasheva, D. V. Novikov, I. G. Ulturgasheva

TRADITIONAL CHARACTER IN DAILY ACTIVITY OF MODERN TELEUTS (on the example of Shanda village of Guryevsky district in Kemerovo region)

In the summer of 2013, we carried out expedition to Shanda village of Guryevsky district in Kemerovo region. Here representatives of the Teleut ethnos live. The purpose was to reveal nature of modern ethnocultural processes in this environment. Directly the settlement is adjoined by the meadows which considerable part is occupied with dumps of Shestakovsky and Bachatsky coal mines. According to informants, the main economic occupation is agriculture (truck farming). Absence here of lines specific to Teleuts is caused by character borrowed for them. On our vision, confirmed by the informants, number of farms containing the livestock today is rather insignificant. During supervision and conversations with respondents, a high extent of marginalization of the population was revealed. It is shown, for example, in regular alcohol intake by considerable part of Shanda inhabitants. The neighbourhood of coal mines was estimated by our informants as a whole as "disastrous" for the surveyed group of the population. The recreation center functions in the village. In its territory at the time of our research, the ethnic platform was created. The applied art (embroidery, knitting), according to respondents, is not practised today. According to memoirs of our informants, the national clothes were daily used till last decade of the XX-th century. Informants spoke about traditional ways of skin manufacture, sheepskins, tailoring of fur coats only in the past tense. On our supervision (and to estimates of respondents),

kitchen is the most keeping the positions in the household sphere aspect of traditional culture. On religion the informants interrogated by us surely called themselves to Christians. There are also elements of primordial beliefs. Cultural workers in an interview called the traditional musical instruments lost so far. According to local population, national types of songs, oral creativity as a whole remains only among women of middle (on recreation center activities) and senior age groups. Names of national games were also listed. During an interview, respondents noted that representatives of young generation of Teleuts hesitated about the national identity. Certain informants consciously named the elements of traditional way of life. So, representatives of the Uskoyev family planned (at the time of conversation) carrying out the national wedding. As a whole, for today informants note withdrawal of bulk of autochthonic inhabitants of the settlement from the national culture. Regular reproduction of elements of traditional character (often stylized) belongs today to the sphere of art, creativity (the staff of recreation center). Thus, it is possible to state the existence of only separate fragments of traditional character, among the Teleuts surveyed by us. Generally their reproduction is connected with innovative forms of ethnic culture revival (within work of rural recreation center scenic statement of ceremonies, holidays, spoken word creativity and dances; the stylized forms of primordial clothes are used. As a whole, it is possible to draw a conclusion on absence in the territory of national culture surveyed by us as complete system.

Keywords: Teleuts, ethnic culture, ceremonies, continuity of traditions, religious sinkretizm, innovations in development and translation of the Teleut culture, an ethnos survival, ecological equilibrium, marginalization.

Кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного университета культуры и искусств ежегодно отслеживается этнокультурная ситуация в местах компактного проживания автохтонных этносов Кемеровской области. Это осуществляется в рамках фольклорно-этнографической практики студентов.

Так, летом 2013 года нами проводилась экспедиция в д. Шанда (это название в переводе с языка телеутов означает «Звенящая гора») Гурьевского района. Здесь компактно проживают представители телеутского этноса.

Цель экспедиции – выявить характер современных этнокультурных процессов в данной среде. На этой основе были сформулированы следующие задачи:

- рассмотреть состояние традиционных комплексов материальной и духовной культуры телеутов на момент обследования;
- показать роль местной творческой интеллигенции в сохранении и развитии традиционных форм культуры;
- изучить формы хозяйственной специализации данной группы населения;
- определить место традиционной обрядности в современном быту;
- охарактеризовать степень сохранности национальных видов танцев, песен, иных видов народного художественного творчества;
- рассмотреть вопросы функционирования исконных элементов прикладного творчества, национальных ремесел, одежды и традиционной кухни.

Определив телеутское население д. Шанда в качестве обследуемой генеральной совокупности, мы условно разделили его на однородные группы (по возрастному критерию, а также исходя из степени маргинализации), внутри каждой из них провели случайный отбор. Сбор первичных данных проводился методами интервьюирования, опроса информантов (по заранее подготовленному вопроснику), простого наблюдения.

Традиции проживающих на территории Кемеровской области телеутов достаточно полно отражены исследователями. Так, у лингвиста Г. Г. Фисаковой и В. А. Беленко представлен историографический обзор по данной теме до 1990 года. Здесь же содержатся общие сведения об этом этносе; характеризуется состояние культуры (по некоторым духовным и материальным аспектам); детально описаны образцы национальной одежды и фольклора [2; 3; 18; 19]. Сотрудники экомuzeя «Чолкой» в своей брошюре говорят о практическом значении музея и его экспозиций; приводят основные вехи прошлого телеутского народа, содержание одной из легенд [5]. Этническую историю бачатских телеутов изучает и кандидат культурологии, доцент Т. И. Кимеева, которая анализирует характерные для них хозяйственно-культурные типы, традиционные верования, мировоззрение, игры. Опираясь на мате-

риалы ряда сибирских музеев, Т. И. Кимеева и Л. И. Тыдыкова подробно рассматривают технические и технологические аспекты телеутских ремесел, тенденции их формирования и возможности сохранения [9]. На основании собственных полевых исследований и предшествующих работ профессор Д. В. Кацюба освещает в своих трудах вопросы, касающиеся обрядности, семейно-брачных отношений, религиозных верований, характера отражения духовной культуры в орнаменте, традиционных видов поселений, построек, комплексов одежды, ремесленного производства и предметов быта, национальной кухни, истории телеутов, а также возможности введения этнографии в программу средней школы [6; 7; 8]. Кандидатом исторических наук Е. П. Батьяновой представлена классификация этнографических групп данного народа, основанная на принципе историзма. С позиций системного подхода охарактеризована традиционная телеутская община, изложены результаты ее структурно-функционального анализа [1]. В работах доктора исторических наук, профессора Д. А. Функа детально отражены этническая история бачатских телеутов, способы хозяйствования и материальная культура, духовные традиции. В частности, им подробно рассматриваются технологии и техника национальных способов плетения из кожи (на основе личных наблюдений автора, реконструкций и музейных коллекций); проблемы и перспективы исследований телеутского фольклора в целом, его жанров, сущность национальных игр и развлечений, историография этой тематики; анализируются шаманские и эпические аспекты культуры данного этноса [20; 21; 22; 23; 24]. Кандидатом исторических наук А. А. Насоновым затрагивается история распространения ламаизма в среде телеутов в контексте анализа межконфессионального взаимодействия на юге Западной Сибири рубежа XIX–XX веков [10]. Исследователями КемГУ (доктор исторических наук, профессор А. Н. Садовой, кандидат исторических наук В. В. Поддубиков) в течение последних десятилетий отрабатываются механизмы проведения этнологической экспертизы в местах компактного проживания автохтонного населения. Так, анализу подвергаются социально-экономические, демографические и этнополитические аспекты существования телеутского этноса. В частности, оценивается характер влияния угледобывающих предприятий и других факторов на состояние традиционных систем жизнеобеспечения. В адрес региональных органов власти направляются соответствующие рекомендации [4; 12; 13; 14; 15; 16; 17].

Мы предполагаем, что современное развитие этнической культуры автохтонного населения, проживающего на территории области, выходит за рамки бытовой сферы его жизнедеятельности. Данная ситуация обусловлена потерей многих традиционных черт в результате нивелирующей советской национальной политики.

На наш взгляд, прежде всего, следует охарактеризовать рассматриваемый полигон. Деревня располагается в приграничье лесостепей и лесов. Местность холмистая, пересеченная. Непосредственно к населенному пункту примыкают луга, значительная часть которых занята отвалами угольных разрезов «Шестаковского» и «Бачатского». Наиболее ранняя насыпь покрыта растительностью. Также вблизи находится обрабатываемое поле. Дворы сконцентрированы вокруг возвышенности «Шанту» («Звенящая гора»), имевшей, по сведениям информантов, в традиционном сознании сакральное значение. На вершине установлен памятник местным жителям, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Респонденты (из числа телеутов) сообщили нам русский вариант его названия («Скорбящая мать»). По нашим наблюдениям, отдельные представители старшего поколения (русской части населения) воспринимают памятник как объект христианского поклонения [11].

По словам информантов, основным хозяйственным занятием является земледелие (огородничество) [11]. Набор выращиваемых культур (картофель, свекла, морковь, овощи) является стандартным. Нами зафиксированы указания на практику пашенного земледелия у телеутов в начале XX века. Вероятно, это косвенно свидетельствует о результатах политики перевода полукочевых традиционных обществ Сибири на оседлость в дореволюционный период истории России. Активным проводником данного курса являлась Алтайская духовная миссия [16].

По нашим наблюдениям, подтвержденным информантами, число хозяйств, содержащих домашний скот, сегодня сравнительно невелико. Отмечено использование дикорастущих трав и кустарников в целях заготовки корма для домашних животных. В интервью со стороны респондентов звучали жалобы на сокращение выпасов в результате деятельности разрезов. Результатом явился отказ большинства

хозяйств от разведения домашнего скота. В ходе наблюдений и бесед с респондентами была выявлена высокая степень маргинализации населения. Это проявляется, например, в регулярном употреблении алкоголя значительной частью жителей д. Шанда. К сожалению, мы не имели возможности детального рассмотрения данной проблемы. Констатируя отток молодежи из деревни, наши информанты связывали его, в первую очередь, с отсутствием объектов социальной инфраструктуры (школ, детских садов). В этой связи нам представляется немаловажной и проблема занятости, с которой во многом связан низкий жизненный уровень. Отсутствие рабочих мест в деревне отражает общероссийскую социально-экономическую ситуацию. По сообщениям информантов, местные жители трудоустраиваются в близлежащем совхозе и городах Гурьевске, Белово [11].

Нашими информантами неоднократно отмечалось отсутствие у маргинальной части телеутов (в пределах обследованной нами территории) мотивации к стабильной занятости, иждивенческое отношение к государству и обществу. И здесь мы сталкиваемся с ситуацией, характерной для российского социума в целом, независимо от этнической принадлежности. Пути выхода из нее следует рассматривать в рамках федерального и регионального курсов социальной политики, с учетом мнений специалистов в сфере этнографии. Данную проблему следует рассматривать в комплексе с низкой рождаемостью, старением населения (преобладанием лиц пенсионного возраста). Правда, респонденты, говоря о демографии, возлагали надежды на государственную программу материнского капитала. В изменении указанной ситуации последней отводится решающая роль. Из региональных проектов была отмечена социальная пенсия. По инициативе губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева она выплачивается представительницам автохтонного этноса, достигшим 50 лет. На момент обследования признаков существенного влияния указанных мер на социальную, демографическую ситуацию рассматриваемой территории нами зафиксировано не было [11].

Соседство угольных разрезов было оценено нашими информантами в целом как «гибельное» для обследованной группы населения. Их позиции суммарно можно представить следующим образом:

1. Непосредственное соседство населенного пункта и зоны добычи полезных ископаемых сказывается на жилищных условиях.

2. Нарушено экологическое равновесие (частным проявлением чего являются непригодная для любого использования вода, а также показатели здоровья населения, изменение естественного ландшафта, подавление природных объектов).

3. Отвалы занимают территории, использовавшиеся прежде телеутами как хозяйственные угодья (выпасы).

4. Отсутствие необходимой квалификации не позволяет большинству населения решить проблему занятости за счет разрезов (на наш взгляд, здесь играет роль высокая степень социальной деградации, при этом в маргинальной среде встречается точка зрения, что данная проблема напрямую связана с националистическими позициями руководства предприятий).

5. У местных жителей отсутствуют возможности влиять на ситуацию. Это определяется нехваткой среди них специалистов, способных на взаимовыгодный контакт с руководством «Бачатского» и «Шестаковского» разрезов (было высказано пожелание активной работы Ассоциации телеутского народа «Эне-Байат» в данном направлении).

6. В среде руководства предприятий не прослеживается стремления учитывать нужды обследованного нами населения [11].

Перейдем к рассмотрению состояния этнокультурной сферы в пределах обследованного полигона. В деревне функционирует Дом культуры. На его территории в момент нашего исследования создавалась этническая площадка. По словам директора учреждения В. И. Сатина, основная задача состоит в привлечении внимания к телеутской культуре со стороны региональной общественности, а также самих представителей этноса. Однако здесь мы сталкиваемся с процессами ее возрождения, развития и трансляции в новом формате. Так, сотрудниками Дома культуры была установлена бурятская (не телеутская) войлочная юрта. Сюда же, на наш взгляд, можно условно отнести наличие здесь «обо» (культурное место). Отметим также коновязи, жертвенники, иные культовые и хозяйственные приспособления, макет древнетюркского каменного изваяния. Это пример комбинирования элементов культуры автох-

тонных народов Сибири, имеющих (исконно) аналоги в системах жизнеобеспечения, но различающихся по другим критериям, принятым в этнографии. В здании дома культуры размещены фотоматериалы о фронтовиках из числа телеутов д. Шанда (в частности, о Герое Советского Союза А. С. Четонове), а также о проводимых культурных мероприятиях. Здесь же находятся отдельные предметы, отражающие традиционный быт телеутов. Видимо, это связано с дальнейшими перспективами развития этнической площадки. На момент обследования музейной коллекции в рамках учреждения оформлено еще не было [11].

Прикладное искусство (вышивка, вязание), по данным респондентов, сегодня не практикуется. Однако его изделия (в виде национальной одежды, поясов) сохраняются у отдельных представительниц среднего и старшего поколения. Согласно воспоминаниям наших информантов, национальная одежда повседневно использовалась до последнего десятилетия XX века. С 1990-х годов она сохраняется только у людей пожилого возраста (на момент обследования менее 10 человек). Это летнее платье «телен», весеннее – «сырмал» и «чепкен», зимняя шуба «тон». Сегодня, по словам респондентов, практикуется лишь изготовление воротничков «тештек». Изредка шьют «телены». Помимо шерсти, меха (выдры) в качестве сырья применяли ситец, сатин, бостон, саржу, лавсан. Здесь, видимо, отражено уже инокультурное влияние. Головные уборы (шапки) были упомянуты как праздничный (в основном) элемент одежды. О традиционных способах выделки шкур, овчин, пошива шуб информанты говорили лишь в прошедшем времени. В их памяти остались и некоторые технологические приемы. Например, вымачивание сырья в специальном растворе «ашатхы» (состав которого уже забыт) [11].

По нашим наблюдениям (и оценкам респондентов), кухня – наиболее сохраняющий свои позиции в бытовой сфере аспект традиционной культуры и фигурирует в основном на христианских праздниках. Нам сообщили и названия, и способы приготовления традиционных блюд. Это «тутмаш», «бешбармак», кровяная колбаса «хан», лапша «унаш», «тутманах», «тергем», «хатама» (хворост), «табах хурзах», различная выпечка. Некоторыми респондентами «тутмаш» готовится повседневно. В отдельных случаях к упомянутому списку добавлялись пельмени. Вместе с тем частью респондентов национальная кухня оценивалась как редкое для сегодняшнего дня явление [11].

По вероисповеданию опрошенные нами информанты уверенно отнесли себя к христианам. При этом некоторые из них не назвали ни одного религиозного праздника, обычая. Следует отметить, что ближайшая православная церковь находится в соседней деревне. Респонденты средней возрастной группы, по их словам, посещают культовые заведения близлежащих населенных пунктов. Это приурочено к праздникам. Основную массу посетителей церкви составляют лица от 40 лет, хотя в целом здесь представлены все возрастные группы. Бытуют и элементы исконных верований. В ходе интервью зафиксированы единичные упоминания «сомо». В этой связи, на наш взгляд, представляет интерес сообщение (пожилого информанта), что после перестройки одного из жилых домов данный культовый объект был выброшен владельцами без последующего обновления. Вероятно, это указывает на утрату сакральности в восприятии «сомо», обусловленную историей христианизации коренных тюркоязычных народов, а также советской национальной политикой. Приведем еще частный пример (из наших наблюдений) сохранения некоторых дохристианских представлений. Он относится к обычаю справлять «7 дней» после смерти человека. Траурная процессия возглавлялась мужчиной (как пояснил А. М. Тыдыков, его запрещено опережать), державшим в руках топор, который, согласно исследователям, служит оберегом от вредоносного влияния потусторонних сил. Характерно также, что траур обязателен только для близких родственников. При этом значение данных правил никем раскрыто не было. Также нами был зафиксирован пример крайне негативного отношения к шаманизму (исконной религии телеутов), шаманским обрядам [11].

Отвечая на вопрос о национальных праздниках, местные жители, главным образом, описывали христианские. По их сведениям, в каждой из деревень, где компактно проживают телеуты (речь идет только о Гурьевском и Беловском районах Кемеровской области), отмечается собственный престольный праздник. В д. Шанда это – Прокопьев день (21 июля). Ильин день (2 августа) справляется в пос. Беково. Жители д. Улус празднуют Николин день (дату респонденты не назвали). Вместе с тем, на наш взгляд, здесь прослеживаются черты религиозного синкретизма. К примеру, угощение пригото-

ленными блюдами прохожих в престольный праздник восходит, вероятно, к тюркской традиции. В ходе опроса информантов нами также зафиксированы упоминания о проведении «Пайрама», а также «вечерок» («чертеков»). Последние известны также под названием «колядование» («келеде»). Справляются после встречи Нового года. Сообщение о том, что их проведение характерно и для русского населения, может служить косвенным указанием на иноэтническое (по отношению к телеутам) происхождение данного явления. Отражает ли содержание этого праздника (танцы женщин с закрытыми лицами, на узнавание) традиции собственно телеутов, респонденты не уточнили. В пос. Черта проводится «Пардакай». Регулярное проведение общегосударственных праздников наши информанты отнесли к прошлому. Этнокультурной спецификой, заметным своеобразием (в сравнении с другими этносами) они, по словам опрошенных жителей, не отличаются [11].

Работники культуры в интервью назвали традиционные музыкальные инструменты («топшуур», «кай-комус», «шор», «икили»), утраченные к настоящему времени. Последнее, по их словам, обусловлено целенаправленным «уничтожением» этнической музыки в советский период (1970-е годы). При этом сохранение песенно-танцевальной культуры представляется данным информантам одним из главных условий выживания этноса. Осуществляемое ими возрождение базируется уже на алтайских инструментах. Здесь же было отмечено отсутствие собственной игровой школы. Деградацию основной массы телеутского населения они считают результатом «политики истребления» народа через уничтожение его веры в 1930-е годы [11].

По сведениям местного населения, национальные виды песен, устное творчество (с которыми можно познакомиться на мероприятиях Дома культуры) в целом сохраняются лишь в среде женщин средней и старшей возрастных групп. Представители молодежи признались, что не знакомы с телеутскими сказками, преданиями. Нам перечислили и названия национальных игр («тебек», «камчи», «кур-согужып», «цепи кованные», «келеде», «чертеки»). Из содержания лишь упомянули, что при их проведении традиционно происходил выбор невест. Со слов респондентов можно сделать вывод об исчезновении данного аспекта культуры. Соответствующие знания сохраняются лишь у немногочисленных представителей старшего поколения. Удалось воспроизвести текст лишь одной из священных песен «табыр». Частным примером влияния изменяющихся условий жизни на состояние этнической специфики являются упомянутые «чертеки». По свидетельствам местных жителей, их содержание сегодня в основном сводится к совместному употреблению алкоголя. Традиционная обрядность в целом, по словам информантов, имела место в прошлом. Так, Л. С. Сыркашева по памяти воссоздала некоторые ритуальные действия, направленные на исцеление больного. Однако их смысл объяснить не смогла. Также отметила, что при затяжной болезни пользовались услугами шамана [11].

В ходе интервью респонденты отмечали, что представители молодого поколения телеутов стесняются своей национальной принадлежности. Этим обусловлено, например, отсутствие мотиваций к общению на родном языке (при достаточном для понимания владении им). По нашим наблюдениям, данная ситуация характерна в первую очередь для младшей возрастной группы, что выражается в трудностях воспроизведения телеутской речи. Причину наши респонденты усматривают в длительном проживании семей в русской среде (вне пределов компактного проживания своего этноса), а также в получении начального и среднего образования в русскоязычных населенных пунктах (на момент обследования в д. Шанда школа отсутствовала). Вместе с тем, нам сообщили, что в соседнем пос. Беково (Беловский район) родной язык преподается с 1-го класса. По нашим данным, свою роль здесь сыграла поддержка со стороны Ассоциации телеутского народа «Эне-Байат» (при участии региональных властей). Нам представляется целесообразным вновь актуализировать данный вопрос в Ассоциации и Департаменте культуры и национальной политики областной администрации. Интересно, что некоторые из самих информантов в сохранении языка и обычаев усматривают залог выживания народа [11].

Отдельные опрошенные нами информанты сознательно воспроизводят элементы традиционного уклада жизни. Так, представители рода Усковых планировали (на момент беседы) проведение национальной свадьбы. Сюда, по их словам, входит установка «куре» (своеобразных «лавочек» в виде прямоугольника из бревен) на второй день праздника, приготовление баранины в казане. Сообщили нам и о том, что женщинам полагалось праздновать отдельно, в доме. И это должно было найти от-

ражение в предстоявшем обряде. По личной инициативе данных информантов, все присутствующие должны были быть в национальных костюмах. Нам продемонстрировали образцы женской одежды из приданого В. Д. Ускоевой: нагрудник, платок, пояс, шаль (без указаний их телеутских названий). По ее воспоминаниям, ранее повседневно традиционно одевались лишь пожилые женщины. Это частный пример сознательного воспроизведения некоторыми семьями отдельных сторон своей жизнедеятельности в «этническом стиле». Сюда относятся и правила ношения указанных элементов костюма (пояс завязывается на левой стороне, обязателен платок на голове). Отмечен и традиционный способ изготовления одежды вручную, в частности плетение «орчала». В качестве материала был назван бостон. Среди других указанных респондентами деталей отметим обычай одаривания матерью жениха родственников платьями, платками. Воровство невесты, по их данным, сохранялось на протяжении второй половины XX века (советского периода). За кражей следовала «мировая» («чараш чалар»), передача калыма за невесту (в денежном эквиваленте), ее выкуп. Сегодня бытует сватовство. Количество человек на традиционной свадьбе традиционно варьировало в пределах 250–300. Нам также было исполнено несколько благопожеланий «алгыш» с переводом на счастливую жизнь в крепкой семье. Приведена одна из песен (частушек), которые звучат в момент заплетания кос невесте. В этой связи упоминалась деятельность местного ансамбля «Телекей» («Мир», «Свет»). Заплетать должна была тетка со стороны жениха. В целом, информантами отмечалось исчезновение национальной специфики при проведении современных свадеб. Данный обряд оценивался как практически ушедший в прошлое [11].

В целом сегодня информанты отмечают отход основной массы автохтонных жителей населенного пункта от своей национальной культуры. По их оценкам, степень ее сохранности в повседневной жизни приблизительно соответствует 10 %. Традиционность уже не играет своей изначальной роли в среде телеутов д. Шанда. Уклад жизни практически не имеет этнической специфики. Была также отмечена поверхностность существующих ее элементов (без уточнения, в чем конкретно она выражается). Это касается, например, одежды, прикладного искусства. Бытование национальных видов ремесел, как уже упоминалось, было отнесено к довоенному периоду. Аналогично оценена ситуация с различными видами обрядов, а также функционированием предметов быта (полностью вытесненных промышленными изделиями). Отмечается и отсутствие мотивации к развитию культуры у большинства представителей этноса (в том числе и молодежи). Основными факторами забвения традиций опрошенными информантами считаются социализацию молодого поколения через стандартизированные программы детских садов и школ, исчезновение из повседневного пользования родного языка (содержательной основы культуры), падение уровня жизни. На наш взгляд, утрату различных аспектов исконной культуры, в пределах обследованной территории, также во многом обусловил низкий социальный уровень. Так, респонденты (рожденные в 1940-х годах), относящиеся к неблагополучной категории населения, продемонстрировали неосведомленность в области традиционной культуры (при беглом владении языком). По этой же причине не всеми отмечаются упоминавшиеся христианские праздники. Художественным руководителем СДК подчеркивалось пренебрежительное отношение к деятельности учреждения со стороны магриналов. Опрошенные нами представители этой части населения объясняют свою позицию формированием шаблонов, не всегда соответствующих исторической действительности [11].

Регулярное воспроизведение элементов традиционности (зачастую стилизованных) сегодня относится к сфере искусства, творчества (сотрудников Дома культуры). Происходит оно в сценическом формате. Это касается, например, танцевально-песенного искусства, костюмов, постановок культовых, обрядовых действий. Согласно воспоминаниям исполнителей национальных песен («той-сырен», «табыр», «кечке», «казыр-тиглар») и танцев, они обучались этому специально. Трансляции подобных знаний и умений между поколениями нами уже не зафиксировано. Данный курс находит поддержку со стороны районной и областной администраций. Однако участие в сценических разработках ин этнических представителей, по отзывам некоторых работников ДК д. Шанда, сказывается на их достоверности. Как отмечали респонденты, проведение национальных праздников постепенно выходит на областной уровень. В качестве примера был приведен «Пардакай», отмечающийся в микрорайоне «Телеут» г. Белово. Здесь мы сталкиваемся с инновационными формами существования этнической культуры. Они развиваются в рамках движения по возрождению традиций автохтонного населения в последние

десятилетия усилиями Департамента культуры и национальной политики областной администрации, а также общественных объединений телеутов [11].

Что касается развития этнической культуры телеутов, проживающих на территории Кемеровской области в целом, то здесь приоритет отдается пос. Беково. Опрос некоторых его жителей показал наличие здесь определенной этнокультурной специфики. Так, в содержании престольного праздника (Ильин день) прослеживаются черты синкретизма. Его проведение сопровождается разжиганием огня (отмечено его кормление молоком и мясом в прошлом), национальными видами состязаний (конные скачки «камчи», борьба, сбивание кости, перетягивание каната, поднимание камня). Указанную специфику отражает и традиция «пельменек» (с фиксированной датой – 18 января). Это нанесение визитов и угощение пельменями, в которые помещаются деньги (магическое привлечение удачи). По воспоминаниям респондентов, ранее (в пределах жизни старшего поколения) их приготовление сопровождалось исполнением заговоров, частушек. Здесь информантами усматривается обрядность, назначение которой они не уточнили. Отмечено и существование кукол-оберегов, призванных охранять владельца (от болезней, сглаза, гибели) в течение всей его жизни. Нам объяснили цель изготовления нескольких оберегов для одного человека (запутывание злых духов). Рассказали о некоторых связанных с этим обрядах (кормление молоком и маслом, произнесение заклинаний при болезни), подчеркнув, что это уже относится к прошлому. А. М. Тыдыков, по памяти, воспроизвел историю возникновения своей фамилии. Рассказал и легенду о воине-основателе его рода «Чорос». Здесь же упоминалась работа экомузeya «Чолкой» (официально действует в пос. Беково с 1996 года). В этой связи респондент осветил некоторые стороны материальной культуры телеутов, не представленные сегодня в их повседневной жизни. Это национальная мужская (сапоги, шапки из овечьей шерсти) и женская (платья и нагрудники, платки) одежда. Подчеркнуто заимствование из алтайской традиции орнамента (ромбы, пирамиды). Отмечено и отсутствие украшений для обуви. Сюда же относятся и разновидности жилища. По информации наших респондентов, таковыми исконно являлись землянки, юрты. Зажиточной прослойкой (купцами) использовались русские избы [11].

Таким образом, можно констатировать наличие лишь отдельных фрагментов традиционности в среде обследованных нами телеутов. В основном их воспроизведение связано с инновационными формами возрождения этнической культуры (в рамках работы сельского Дома культуры проводится сценическая постановка обрядов, праздников, устного творчества и танцев; используются стилизованные формы исконной одежды). Силами творческой интеллигенции разворачивается этническая площадка. Основной задачей является актуализация национального самосознания, а также интереса к культуре коренных народов Южной Сибири. В качестве исходного средства была избрана демонстрация экспозиций под открытым небом. Кроме того, нами наблюдалось воспроизведение отдельных этнических характеристик в рамках жизнедеятельности некоторых семей. Например, свадебного обряда и сопровождающих его атрибутов, ритуалов. В целом можно сделать вывод об отсутствии на обследованной нами территории национальной культуры как целостной системы. Данная ситуация, на наш взгляд, определяется комплексом факторов. К последним относится низкий уровень жизни, во многом являющийся результатом советской и постсоветской истории (последнего десятилетия XX века). Здесь же отметим неблагоприятные условия проживания. Непосредственная близость угледобывающих предприятий, помимо прочего, полностью исключает возможности функционирования территорий традиционного природопользования. В наблюдавшихся нами способах хозяйствования отчетливой этнической специфики не прослеживается.

Список информантов

1. Есина Маргарита Хакимовна, 1981 г. р., художественный руководитель СДК д. Шанда, житель пос. Бачатский.
2. Кузнецов Дмитрий Михайлович, 1973 г. р., рабочий СДК д. Шанда, житель г. Гурьевска.
3. Сатин Владимир Иосифович, 1961 г. р., директор СДК д. Шанда, житель с. Беково (уроженец д. Шанда).
4. Сыркашева Людмила Сафроновна, 1958 г. р., пенсионер, житель д. Шанда (уроженка пос. Черта, г. Белово).
5. Тарасова Анна Сидоровна, 1926 г. р., пенсионер, житель д. Шанда (уроженка д. Верховская).
6. Тыдыков Алексей Михайлович, 1987 г. р., студент КемГУКИ, житель с. Беково.
7. Ускоев Валерий Иванович, 1958 г. р., пенсионер, житель д. Шанда.

8. Ускоев Иван Иванович, 1958 г. р., пенсионер, житель д. Шанда.
9. Ускоева Валентина Дмитриевна, 1959 г. р., пенсионер, житель д. Шанда.
10. Ускоева Тамара Афанасьевна, 1963 г. р., старший продавец сельского магазина, житель д. Шанда.
11. Шадеев Евдоким (Абдек) Михайлович, 1969 г. р., временно безработный, житель д. Шанда.
12. Шадеева Анна Васильевна, 1948 г. р., пенсионер, житель д. Шанда.

Литература

1. Батьянова Е. П. Община у телеутов в XIX – начале XX века // Мат-лы к сер. «Народы и культуры». – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1993. – Вып. XVII, кн. 1: Телеуты. – С. 141–268.
2. Беленко В. А. Телеутский фольклорный коллектив Бековского сельского совета // Телеутская земля и ее коренные жители. – Кемерово, 1990. – Вып. 1. – С. 19–20.
3. Беленко В. А. Национальная одежда телеутов (описание и методические рекомендации с чертежами выкроек для шитья женской и мужской одежды) // Телеутская земля и ее коренные жители. – Кемерово, 1990. – Вып. 1. – С. 21–25.
4. Бойко В. И., Поддубиков В. В., Садовой А. Н., Нечипоренко О. В. Этнологическая экспертиза. Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области. – Новосибирск: Параллель, 2008. – Вып. 2. – 257 с.
5. Историко-этнографический музей «Чолкой» Беловского района. Телеутская земля с. Беково. – Беково, 2011. – 22 с.
6. Кацюба Д. В. Духовная культура телеутов. – Кемерово, 1993. – 190 с.
7. Кацюба Д. В. Материальная культура бачатских телеутов. – Кемерово, 1991. – 91 с.
8. Кацюба Д. В. Этнография и школа (очерки духовной культуры телеутов). – Кемерово, 1993. – 151 с.
9. Кимеева Т. И., Тыдыкова Л. И. Традиции и ремесла бачатских телеутов. – Кемерово, 2011. – 120 с.
10. Насонов А. А. Ламаизм в межконфессиональном взаимодействии на юге Западной Сибири (вторая половина XIX – первая треть XX века). – Кемерово: ИНТ, 2013. – С. 3–29, 68–82.
11. Новиков Д. В. Полевой дневник экспедиционных работ. – 2013. – 87 с.
12. Поддубиков В. В. Аборигены и колонизаторы: автохтонное и русское население азиатской части России в условиях этноконтактной ситуации второй половины XIX – начала XXI века (историографический анализ) // Славянский мир. Диалог культур. – Омск; Кемерово: КемГУКИ, 2011. – Ч. I. – С. 183–194.
13. Поддубиков В. В., Осипов К. И. Коренные малочисленные этносы Кемеровской области: основные показатели социально-демографического развития по данным этнологического мониторинга // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности. – Кемерово: Практика, 2013. – С. 110–119.
14. Поддубиков В. В. Культура традиционного природопользования в контексте актуальных проблем регионального менеджмента: методологические и практические аспекты прикладной этнологии // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности. – Кемерово: Практика, 2013. – С. 15–30.
15. Поддубиков В. В. Этнологический мониторинг в регионах Южной Сибири: практический опыт в решении проблем сохранения этнокультурного наследия и традиционного образа жизни коренных малочисленных этносов (науч.-метод. аспект) // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности. – Кемерово: Практика, 2013. – С. 164–190.
16. Садовой А. Н. Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX – начало XX века). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1992. – С. 129–154.
17. Садовой А. Н., Пруель Н. А. Этносоциальный мониторинг: принципы, методы, практика. – Кемерово: КемГУ, 1996. – 277 с.
18. Фисакова Г. Г. Из истории изучения телеутской народности // Телеутская земля и ее коренные жители. – Кемерово, 1990. – Вып. 1. – С. 3–18.
19. Фисакова Г. Г. Образцы фольклора бачатских телеутов // Телеутская земля и ее коренные жители. – Кемерово, 1990. – Вып. 1. – С. 26–33.
20. Функ Д. А. Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: истор.-этнограф. исслед. // Мат-лы к сер. «Народы и культуры». – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1993. – Вып. XVII, кн. 2: Телеуты. – 325 с.
21. Функ Д. А. Устное творчество, игры и развлечения бачатских телеутов // Мат-лы к сер. «Народы и культуры». – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1993. – Вып. XVII, кн. 1: Телеуты. – С. 5–140.

22. Функ Д. А. Шаманская и эпическая традиция тюрков юга Западной Сибири (историко-этнографическое исследование телеутских и шорских мат-лов второй половины XIX – начала XXI века): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2003. – 50 с.
23. Функ Д. А. Техника плетения из кожи у телеутов. – СПб., 1992. – 34 с.
24. Функ Д. А. Телеутское шаманство: традиционные этнографические интерпретации и новые исследовательские возможности. – М.: ИЭА РАН, 1997. – 268 с.

Literatura

1. Bat'janova E. P. Obshchina u teleutov v XIX – nachale XX veka // Mat-ly k ser. "Narody i kul'tury". – М.: In-t etnologii i antropologii RAN, 1993. – Vyp. XVII, kn. 1: Teleuty. – S. 141–268.
2. Belenko V. A. Teleutskij fol'klornyj kollektiv Bekovskogo sel'skogo soveta // Teleutskaja zemlica i ee korennyje zhiteli. – Kemerovo, 1990. – Vyp. 1. – S. 19–20.
3. Belenko V. A. Nacional'naja odezhda teleutov (opisanie i metodicheskie rekomendacii s chertezhami vykroek dlja shit'ja zhenskoy i muzhskoj odezhdy) // Teleutskaja zemlica i ee korennyje zhiteli. – Kemerovo, 1990. – Vyp. 1. – S. 21–25.
4. Bojko V. I., Poddubikov V. V., Sadovoj A. N., Nechiporenko O. V. Etnologicheskaja ekspertiza. Etnopoliticheskie, social'no-ekonomicheskie i etnodemograficheskie processy v srede teleutov Belovskogo i Gur'evskogo rajonov Kemerovskoj oblasti. – Novosibirsk: Parallel', 2008. – Vyp. 2. – 257 s.
5. Istoriko-etnograficheskij muzej "Cholkoj" Belovskogo rajona. Teleutskaja zemlica s. Bekovo. – Bekovo, 2011. – 22 s.
6. Kacjuba D. V. Duhovnaja kul'tura teleutov. – Kemerovo, 1993. – 190 s.
7. Kacjuba D. V. Material'naja kul'tura bachatskih teleutov. – Kemerovo, 1991. – 91 s.
8. Kacjuba D. V. Etnografija i shkola (očerki duhovnoj kul'tury teleutov). – Kemerovo, 1993. – 151 s.
9. Kimeeva T. I., Tydykova L. I. Tradicii i remesla bachatskih teleutov. – Kemerovo, 2011. – 120 s.
10. Nasonov A. A. Lamaizm v mezkhkonnessional'nom vzaimodejstvii na juge Zapadnoj Sibiri (vtoraja polovina XIX – pervaja tret' XX veka). – Kemerovo: INT, 2013. – S. 3–29, 68–82.
11. Novikov D. V. Polevoj dnevnik ekspedicionnyh rabot, 2013. – 87 s.
12. Poddubikov V. V. Aborigeny i kolonizatory: avtohtonnoe i russkoe naselenie aziatskoj chasti Rossii v uslovijah etnokontaktnoj situacii vtoroj poloviny XIX – nachala XXI veka (istoriograficheskij analiz) // Slavjanskij mir. Dialog kul'tur. – Omsk; Kemerovo: KemGU, 2011. – Ch. I. – S. 183–194.
13. Poddubikov V. V., Osipov K. I. Korennyje malochislennye etnosy kemerovskoj oblasti: osnovnye pokazateli social'no-demograficheskogo razvitija po dannym etnologicheskogo monitoringa // Prikladnaja etnologija i aktual'nye problemy gosudarstvennoj etnonacional'noj politiki v regionah Zapadnoj Sibiri: mehanizmy vzaimodejstvija vlasti, nauki, obshchestvennosti. – Kemerovo: Praktika, 2013. – S. 110–119.
14. Poddubikov V. V. Kul'tura tradicionnogo prirodopol'zovanija v kontekste aktual'nyh problem regional'nogo menedzhmenta: metodologicheskie i prakticheskie aspekty prikladnoj etnologii // Prikladnaja etnologija i aktual'nye problemy gosudarstvennoj etnonacional'noj politiki v regionah Zapadnoj Sibiri: mehanizmy vzaimodejstvija vlasti, nauki, obshchestvennosti. – Kemerovo: Praktika, 2013. – S. 15–30.
15. Poddubikov V. V. Etnologicheskij monitoring v regionah Juzhnoj Sibiri: prakticheskij opyt v reshenii problem sohraneniya etnokul'turnogo nasledija i tradicionnogo obraza zhizni korennyh malochislennyh etnosov (nauchno-metodicheskij aspekt) // Prikladnaja etnologija i aktual'nye problemy gosudarstvennoj etnonacional'noj politiki v regionah Zapadnoj Sibiri: mehanizmy vzaimodejstvija vlasti, nauki, obshchestvennosti. – Kemerovo: Praktika, 2013. – S. 164–190.
16. Sadovoj A. N. Territorial'naja obshchina Gornogo Altaja i Shorii (konec XIX – nachalo XX veka). – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1992. – S. 129–154.
17. Sadovoj A. N., Pruel' N. A. Etnosocial'nyj monitoring: principy, metody, praktika. – Kemerovo: KemGU, 1996. – 277 s.
18. Fisakova G. G. Iz istorii izuchenija teleutskoj narodnosti // Teleutskaja zemlica i ee korennyje zhiteli. – Kemerovo, 1990. – Vyp. 1. – S. 3–18.
19. Fisakova G. G. Obrazcy fol'klora bachatskih teleutov // Teleutskaja zemlica i ee korennyje zhiteli. – Kemerovo, 1990. – Vyp. 1. – S. 26–33.
20. Funk D. A. Bachatskie teleuty v XVIII – pervoj chetverti XX veka: istor.-etnograf. issled. // Mat-ly k ser. «Narody i kul'tury». – М.: In-t etnologii i antropologii RAN, 1993. – Vyp. XVII, kn. 2: Teleuty. – 325 s.